

347-й

продлевет

А. Миллионов

Алексей Миллионов

317-й проследует в парк

<https://litres.ru/74251142>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная Ленинградская девушка Аня осталась совсем одна, наедине со своим горем. Неужели никто в этом городе не подарит ей лучик надежды?..

Содержание

Глава	4
Глава 1. Огонёк на Гражданском	6
Глава 2. Последний рейс	12
Глава 3. Счастливое лето 78-го	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Миллионов

317-й проследует в парк

Глава

Предисловие. От Автора.

Случалось ли вам наблюдать такую ситуацию: вы ожидаете автобуса, или троллейбуса на остановке. На жёлтой табличке, висящей на столбе, возле остановки указаны номера определённых маршрутов. И вдруг, проезжает мимо, троллейбус с номером маршрута, который здесь не должен проезжать. Он даже может остановиться на пару секунд, и не открыв дверей тронуться, продолжив движение дальше. Уверен, что вы, хоть раз в жизни наблюдали такую картину. ... А если, спросить людей на остановке, – непременно ответят что-то из этого: – Заплутал, ротация, объезд из-за ремонта дороги, учебный... – Такие логичные доводы приведут девяносто девять и девять десятых процента обычных людей – обывателей. А теперь, скажите, – что вы запомнили из внешнего облика такого автобуса?.. – Что...? – Ничего особенно-го? – Как и десятки других таких же работающих на линии?.. Вот так совпадение! А водитель? – Вы на него даже не обра-

тили внимание, правильно? О внешности можно даже и не спрашивать. Хорошо еще что он там “вроде-бы” был.

Я хочу поделиться с вами некоторыми наблюдениями. Если вы присмотритесь внимательнее, вы непременно найдёте признаки, которые выдают такой транспорт и запоминаются. Например – табличка маршрута. Она может быть, а может её и не быть. Может быть номер маршрута один – а список улиц другой. На лобовом стекле одна табличка – а сбоку другая... И вот он медленно отъезжает от остановки, мигая поворотником, оставляя вас позади, вместе с другими ожидающими. Сегодня вы не стали его пассажиром... Куда же он направляется?.. Какого маршрута придерживается?.. Чьи правила выполняет?..

Сегодня я хочу рассказать вам одну историю... Историю о зелёном огоньке надежды, о любви, о радости её обретения и о взаимности... А реальная эта история или нет..., что ж..., пусть каждый решит для себя это сам.

Глава 1. Огонёк на Гражданском

Конец октября 1987 года в Ленинграде выдался особенно сырым и промозглым. Дождь, начавшийся ещё с утра, не утихал ни на минуту, превращая асфальт Гражданского проспекта в зеркальную поверхность, где отражались огни уличных фонарей и редкие фары проезжающих автомобилей. Воздух был пропитан запахом мокрой листвы — той особой, или скорее, осенней тоски, которая в эти годы витала над городом, словно предчувствуя грядущие перемены. Перестройка уже набирала обороты, но для простых людей вроде Анны Вересовой она пока означала лишь неопределённость: заводы сокращали штаты, цены росли, а надежды таяли, как лёд на Неве по весне.

Анна стояла на улице, у выхода из метро «Гражданский проспект», прижавшись спиной к холодной, облицованной плитками из белого мрамора стене. Ей было двадцать четыре, но в этот вечер она чувствовала себя старше на пару десятилетий. Её отец, Иван Петрович, бывший инженер ГИП-Ха, повесился две недели назад в их крошечной двухкомнатной коммунальной квартире на проспекте Науки. Потерял работу из-за каких-то интриг в профкоме — говорили, что он слишком принципиальный был, не умел подстраиваться под «новые веяния». Её мама, Клавдия Петровна, слегла с сердечным приступом сразу после похорон, и находилась в

больнице, в бессознательном состоянии третью неделю. Анна осталась совсем одна разбираться с долгами, соседскими сплетнями и той страшной пустотой в груди, которая не давала дышать. Она работала библиотекарем в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина на Невском — сортировала пыльные тома, выдавала книги студентам, — но даже эта тихая гавань теперь казалась ей душной клеткой. Зачем жить дальше? Ради чего? Мысли о петле или о прыжке под электричку крутились в голове, как заезженная пластинка.

Вокруг сновали люди: припозднившиеся рабочие со стройплощадки Импульса спешили домой, студенты — заочники из Политеха тащили мокрые портфели, бабушки с авоськами «дефицита» обходили лужи. Никто не замечал Анну — худенькую девушку в сером пальто, с растрёпанными каштановыми волосами, прилипшими к лицу от дождя. Слезы смешивались с каплями воды, и она не вытирала их. «Папа, почему ты не сказал ничего? — шептала она про себя. — Я бы помогла. Мы бы вместе...». Но, она знала — вместе уже не будет. Никогда.

Вдруг, сквозь шум дождя и гул 38 троллейбуса, отъезжавшего от остановки по Гражданскому проспекту, Анна заметила что-то необычное. У обочины, прямо напротив выхода из метро, между автобусной и троллейбусной остановками, неведь откуда появилась машина — жёлтая Волга ГАЗ-24 с чёрными шашечками на дверях и буквой «Т» в кружочке.

Бортовой номер на переднем крыле — 317. Он был небрежно выведен краской по трафарету и еле читался под уличным фонарём. Откуда она взялась? Только что здесь было пусто — ни «сиплого» волговского звука мотора, ни всплеска лужи от шин, ни скрипящего звука асбестовых тормозных колодок.... Люди проходили мимо, и не замечали такси, словно это был не автомобиль, а лишь только её видение. Анна зажмурила глаза, и снова открыла, но Волга не исчезла. На лобовом стекле была прикреплена табличка «ЛПОПТТ № 3/1» — 312-00-22. Фары Волги вдруг мигнули — и зажегся зелёный огонёк. «Свободен».

Анна, сама не зная почему, машинально, не замечая дожда медленно пошла к автомобилю.

За рулём сидел молодой мужчина — лет двадцати семи, с тёмными волосами, аккуратно зачёсанными назад, и лёгкой щетиной на лице. Его глаза, холодного серого цвета, смотрели прямо на Анну. Он нагнулся и опустил стекло со стороны пассажира.

— Добрый вечер, — сказал он тихо, голос его был твёрдым, с лёгким ленинградским акцентом, когда слишком «правильно» выговаривают буквы. — Ты выглядишь так, будто мир кончился. Садись, Аня. Я знаю, куда тебе нужно.

Анна замерла. Откуда он знает её имя? Она никогда не видела этого человека — ни в библиотеке, ни в очереди за хлебом на Науки. Его лицо было красивым, и слегка усталым, с той загадочной улыбкой, что скрывает больше, нежели по-

казывает. Волга манила теплом изнутри — через открытое окно виднелся потрёпанный салон с кожаными сиденьями и старым радиоприёмником, из которого доносились приглушённые помехи.

— Кто вы? — прошептала Анна, не двигаясь с места. Дождь усилился, барабания по крыше машины. — Откуда вы знаете моё имя? Я.. я не вызывала такси.

Он усмехнулся уголком рта, но в его глазах мелькнула тень сочувствия.

— Меня зовут Алексей. Алекс, если хочешь. Или... триста семнадцатый. Называй как хочешь. Видишь, огонёк зелёный? Это значит, что машина ждёт именно тебя. Не всех она замечает. Только тех, кто на краю. Ты на краю, Аня? После того, что случилось с отцом и мамой...

Сердце Анны сжалось. Откуда он знает? Похороны отца были скромными — только она, мама, и пара соседей, вызвавшихся помочь. Хоронили на Северном кладбище. Никто не афишировал самоубийство. А мама в больнице — она так и не пришла в сознание, и не могла кому-то рассказать.

— Вы... вы следили за мной? — её голос дрожал, в нём не было злости, было только отчаяние. — Оставьте меня в покое. Я не поеду никуда.

Алексей наклонился ближе, не выходя из машины, опёршись на пассажирское сиденье. Его руки были в кожаных перчатках. Анна заметила, как на приборной панели качнулся букетик цветов, сплетённый из медицинских трубочек от

капельниц.

— Никто не следит... Аня... Машина знает. Она появляется там, где боль слишком сильна. У метро, на мостах, в парках... Ты ведь думаешь о конце, правда? О том, чтобы шагнуть под колёса или... ну, ты знаешь. Но есть другой путь. Последний рейс. Туда, где ты была счастлива. Без возврата. Садись, и я отвезу. Бесплатно. Только скажи, когда и куда.

Анна оглянулась. Толпа вокруг текла, как река, — люди спешили в свои квартиры в панельных домах на Гражданке, к семьям, к ужину из картошки и сосисок. Никто не смотрел на жёлтую Волгу. словно машины не существует, а она разговаривает сама с собой. В голове Анны крутились воспоминания: папа, читающий ей сказки в детстве; мама, пекущая пироги на Новый год; и та пустота, в которой теперь она осталась одна. Может, это сон? Или галлюцинация от горя?

— Почему я? — спросила она, делая шаг ближе. Дождь стекал по её воротнику, но она не чувствовала холода.

— Потому что ты готова, — ответил Алексей мягко. — И потому что... иногда, даже в такой час, есть огонёк. Зелёный. Садись, Аня. Не бойся.

Что-то в его голосе — теплое, почти родное — сломило её сомнения. Анна открыла дверцу, села на переднее сиденье, и захлопнула дверь. Салон был тёплым, как будто мотор работал часами, сменами, без отдыха. Легкий запах бензина и кожи обволакивал, успокаивал. Алексей кивнул, протянул руку и откинул козырёк над лобовым стеклом. На нём была

табличка: «В парк».

Глава 2. Последний рейс

Волга мягко тронулась с места, развернулась на перекрестке Гражданского с Киришской улицей. Постояла на светофоре, перед проспектом Просвещения. Повернула налево и медленно поехала по «Просвету». Её старый мотор урчал ровно, спокойно, слегка вибрируя. Дождь всё ещё барабанил по крыше, но внутри салона он казался каким-то далёким, приглушённым, словно это были звуки из другого мира. Анна откинулась на кожаное сиденье, и смотрела на разноцветные огоньки, переливающиеся в каплях дождя на лобовом стекле. Фары Волги прорезали вечернюю мглу, освещая мокрый асфальт проспекта Просвещения, встречаясь с отражениями лучей от ртутных ламп придорожных фонарей.

Алексей свернул налево, на Светлановский проспект. Он вел машину уверенно и спокойно, как и положено опытному таксисту. Его руки в тонких кожаных перчатках лежали на руле, а в салоне витал лёгкий запах одеколona «Шипр» и чего-то металлического, как от старых монет. Анна все еще сомневалась в реальности происходящего. Она оглядела салон перед собой. На приборной панели тускло светились индикаторы: стрелка спидометра ползла вверх до 40 километров в час, бензобак показывал полный, таксометр был выключен. Радиоприёмник "ВЭФ" на торпедо был включён совсем ти-

хо, и из него доносились знакомые аккорды — группа "Машина времени" пела "Поворот", ту самую песню, которая в эти годы звучала из каждого окна: "Мы себе давали слово не сходить с пути прямого..."

— Удобно? — спросил Алексей, сдвинув заслонку отопителя в среднее положение, и не отрывая глаз от дороги. Теперь они свернули на проспект Луначарского, проезжая мимо серых девятиэтажных панельных домов. В окнах мелькали силуэты семей за ужином — кто-то жарил котлеты, кто-то смотрел программу "Время" по телевизору "Рубин".

Анна кивнула, хотела было что-то сказать, но слова застряли в горле. Она всё ещё не верила, что села в эту машину. "Что я делаю? — думала она. — Это же безумие. Он знает моё имя, знает про отца... Может, он из КГБ? Или просто обыкновенный маньяк?" Но в его присутствии страх отступал, сменяясь странным покоем. Она украдкой взглянула на него: профиль чёткий, как у актёра из польского фильма, глаза сосредоточенные, но с искоркой тепла.

— Ты сказал... последний рейс, — наконец выдавила она, сжимая руки на коленях. Её пальто было мокрым, и вода капала на коврик под ногами. — Что это значит? Куда мы едем?

Алексей улыбнулся уголком рта, переключая передачу. Машина пересекла проспект Культуры, разделявший спальные районы — проехала мимо 122 медсанчасти, снизив скорость, где лежала Анина мама. Аня беззвучно заплакала.

— Это значит, Аня, что поездка в один конец. Нет возврата. Я отвезу тебя туда, где ты была по-настоящему счастлива. В любое время, любое место из твоего прошлого. Но только туда, где счастье было настоящим — не фальшивым, не придуманным. И там ты останешься. Навсегда. Без боли, без воспоминаний о том, что было после. Это... подарок. Для тех, кто больше не может.

Анна моргнула, пытаясь осмыслить. "В прошлое? Это шутка? Или он наркоман?" Но Волга ехала ровно, и в её моторе было что-то гипнотическое, успокаивающее. Они миновали станцию метро "Озерки", где люди выходили из метро, и направлялись к остановкам на Выборгском шоссе, которое вело на север, в пригороды — Парголово и Сертолово. Алексей поехал прямо, по проспекту Энгельса, в сторону метро «Чёрная речка».

— Как... как это возможно? — прошептала она. — Время? Машина времени? Это же из фантастики, как у Стругацких. Ты шутишь надо мной? Ты просто узнал, что я работаю в библиотеке, и решил разыграть меня? — Это жестоко!

Алексей покачал головой, включая дворники — дождь усилился, превращая дорогу в реку.

— Не шучу. Эта Волга — не простая. Она появляется только для тех, кто на грани. Кто думает о конце, как ты сегодня у метро. Никто другой её не видит. Правила простые: садись, выбираешь момент счастья, и я везу. Но только один раз. И без багажа — ни вещей, ни привязанностей. Ты

едешь туда, где была счастлива, и остаёшься там навсегда, но уже без будущего, без воспоминаний и без того, что сломало тебя потом.

— Подумай хорошо, Аня. — Не торопись.

Анна уставилась в окно, и долго о чем-то думала молча. Они уже почти выехали за город по Приморскому шоссе, подъезжая к Лахте. Справа простирался Лахтинский разлив, слева — темнели воды Финского залива. Вдали светились огни Сестрорецка. Воздух стал свежим, морским. "Счастье... Когда я была счастлива? — думала она. — Нет уж, не в библиотеке, сортируя пыльные фолианты. Не в коммунальной квартире с руганью соседей алкашей каждый вечер. Не после школы, за уроками, когда сидела за задачками по математике и геометрии... Воспоминание всплыло внезапно, яркое, как вспышка: лето 1978 года. Ей пятнадцать, пионерский лагерь "Ласточка" недалеко от Смолячково. Тот день на пляже, когда она впервые поцеловалась с мальчиком по имени Серёжа — простым парнем из Москвы, с веснушками и гитарой. Солнце, волны, вкус земляники на губах. Никаких забот, только чистая радость.

— 15 июля 1978 года, — сказала она вдруг, сама удивляясь своей уверенности. Голос прозвучал твёрдо, без сомнений. — Пионерский лагерь "Ласточка", за Зеленогорском. Берег Финского залива. Тот день... когда я впервые почувствовала себя живой. Поцелуй на пляже. Никаких мыслей о будущем. Только лето, море и.. свобода.

Алексей кивнул, не удивляясь — словно ждал именно этого.

— Хорошо. Держись. Мы едем туда.

Он нажал кнопки на таксометре, выставив нужные цифры. Что-то переключил и повернул большую ручку. Механизм громко щелкнул несколько раз, и начал тикать. Алексей свернул влево на 39 километре, и Волга продолжила путь по Приморскому шоссе вдоль залива. Подъехав к Репино, дорога сузилась. Деревья смыкались над ней, как туннель, опавшие желтые листья шуршали под колёсами. Радио продолжало играть, звучала песня "Алло" Расторгуева. Анна почувствовала, как напряжение спадает. Она повернулась к Алексею.

— А ты? — спросила она тихо. — Ты всегда водишь эту машину? Откуда ты? Расскажи о себе. Ты... не кажешься обычным таксистом.

Он глубоко задумался, глядя на дорогу, проезжая Комарово. Вдали показались огни Зеленогорска.

— Я? — Было видно, как Алексей вдруг смутился от этого вопроса. Ему задавали его впервые. Он, немного помедлив ответил: — Вообще, понимаешь, ... — мне не положено...

— Я был как ты. Пассажиром. В 1981-м. Потерял невесту — на Невском, под машиной. Хотел уйти сам. Волга появилась возле меня на Литейном мосту. Предыдущий водитель отвёз меня в моё счастливое прошлое — 1975-й, студенческие годы в Политехе. Но... я... я не остался... Не смог. За

отказ я обязан был заплатить цену. — Стать водителем вместо него. Теперь это моя ноша. Вozить других.

Анна смотрела на него, и в её груди словно что-то проснулось — жалость? Интерес? Его глаза в свете фар встречных автомобилей казались глубокими, и таинственными.

— Это... грустно. Ты одинокий?

— Все мы одинокие в этой жизни, Аня. Но иногда... огонёк зелёный зажигается.

Она улыбнулась — впервые за годы, по-настоящему. Уголки губ дрогнули, и остатки слёз, сорвавшись с подбородка, упали на её колени. Машина замедлилась, повернув налево, проезжая мост через Чёрную речку, на выезде из Серово. Впереди, было Молодёжное, а за ним, почти сразу Смoлячково. Время заканчивалось, как и дорога, ведущая в прошлое.

Глава 3. Счастливое лето 78-го

Волга замедлила ход и, качнувшись, притормозила тихо скрипнув тормозами. Таксометр зажужжал и защелкал, на циферблате выскочило 15.07.1978. Вдруг мир вокруг изменился — как будто кто-то переключил плёнку в старом диапроекторе. Дождливая осенняя ночь 1987 года растворилась в ярком солнечном свете июля 1978-го. Шум мотора стих, и вместо мокрого асфальта Приморского шоссе под колёсами зашуршал песок узкой тропинки, ведущей к пляжу. Воздух наполнился запахами лета: «морской» водой Финского залива, свежескошенной травой, дымом от костра и лёгким ароматом сосен, что росли вдоль берега. Пионерский лагерь "Ласточка" в Смолячково — раскинулся перед ними: деревянные корпуса с красными флажками, развевающимися на ветру, волейбольная площадка, где дети в пионерских галстуках гоняли мяч, и длинный песчаный пляж, уходящий в искрящуюся воду залива. Вдали, за волнами, виднелись силуэты парусных лодок.

Анна вздрогнула словно от щекотки, чувствуя, как тело меняется. Она вышла из машины, и её ноги, теперь в лёгких сандалиях вместо осенних ботинок, утонули в тёплом песке. Ей было пятнадцать — худенькая девчонка с косичками, в белой блузке и синей юбке пионерской формы, с красным галстуком на шее. Но внутри она всё ещё оставалась собой:

двадцать четыре года, с воспоминаниями о потерянном отце, о парализованной матери, о пустой квартире на проспекте Науки, о боли, что привела её в эту жёлтую Волгу. "Это сон? — подумала она. — Или правда?" Солнце пекло кожу, волны накатывались на песчаный берег, и где-то вдалеке звучала пионерская песня: "Взвейтесь кострами, синие ночи..." Дети бегали по пляжу — мальчишки в шортах строили замки из песка, девчонки плели венки из ромашек, а вожатые в белых рубашках с мегафонами репетировали линейку к родительскому дню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.